

**ПАМЯТНИКИ
ПИСЬМЕННОСТИ
ВОСТОКА**

ХС

**СЕРИЯ ОСНОВАНА В 1965 ГОДУ
BIBLIOTHECA BUDDHICA
XXXVII**

**ИСТОРИЯ
ЧОЙДЖИД-ДАГИНИ**

ФАКСИМИЛЕ РУКОПИСИ

**ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ ТЕКСТА,
ПЕРЕВОД С МОНГОЛЬСКОГО,
ИССЛЕДОВАНИЕ И КОММЕНТАРИЙ
А.Г. САЗЫКИНА**

«НАУКА»

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА · 1990

ББК 86.39+84.5Мо+83.35Мо
И90

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
"ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ ВОСТОКА"

*О.Ф.Акимулкин, С.С.Аревшатян, А.Н.Болдырев,
Г.М.Бонгард-Левин (зам. председателя), И.С.Брагинский,
Г.Ф.Гирс (зам. председателя), В.Н.Горегляд, П.А.Грязневич,
Д.В.Дестик, И.М.Дьяконов (председатель), Г.А.Зограф,
Др.В.Награманов, У.И.Наримов, Е.И.Ничанов, Л.Н.Меньшиков,
Е.П.Метревели, Э.Н.Темкин (отв. секретарь), А.Б.Халидов,
С.С.Цельникер, К.Н.Юзбашян*

Ответственный редактор
С.Ю.НЕКЛУДОВ

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

И90 История Чойджид-дагини. Факсимиле рукописи.
Транслитерация текста, пер. с монг., исслед.
и коммент. А.Г.Сазыкина. – М.: Наука. Глав-
ная редакция восточной литературы, 1990. –
253 с.: ил. – (Памятники письменности Востока.
XС. Bibliotheca Buddhica XXXVII).
ISBN 5-02-016557-3

"История Чойджид-дагини" – популярное произведе-
ние "народного буддизма", переведенное в XVII в. с
тибетского языка на монгольский. Публикация памятника
сопровождается исследованием различных монгольских
версий повести.

И $\frac{4703020100-061}{013(02)-90}$ 123-89

ББК 86.39+84.5Мо+83.35Мо

ISBN 5-02-016557-3

© Институт востоковедения
АН СССР, 1990

© А.Г.Сазыкин, транслитерация
текста, пер. с монгольского,
исслед. и коммент., 1990

Полный список книг серий "Памятники литературы народов Востока" и "Памятники письменности Востока" за 1959–1985 гг. опубликован в брошюре "Памятники литературы народов Востока. Памятники письменности Востока. Каталог серийных изданий. 1959–1985". М., 1986. Ниже приводится список книг, вышедших в свет после публикации каталога и готовящихся к изданию.

- XXXII, 4. Сыма Цянь. Исторические записки ("Ши цзи"). Т.IV. Пер. с китайского, предисл. и коммент. Р.В.Вяткина. М., 1986.
- XXXII, 5. Сыма Цянь. Исторические записки ("Ши цзи"). Т.V. Пер. с китайского, предисл. и коммент. Р.В.Вяткина. М., 1987.
- LXI. Мела Махмуд Байазиди. Таварих-и кадим-и Курдистан ("Древняя история Курдистана"). Т.1. Перевод "Шараф-наме" Шараф-хана Бидлиси с персидского языка на курдский язык (курманджи). Изд. текста, предисл., указатели, оглавление К.К.Курдоева и Ж.С.Мусаэлян. М., 1986.
- LXXVI. Бай юй цзин (Сутра ста притч). Пер. с китайского и коммент. И.С.Гуревич. Вступит. статья Л.Н.Меньшикова. М., 1986.
- LXXVII. Григор Нарекаци. Книга скорбных песнопений. Пер. с древнеармянского и примеч. М.О.Дарбинян-Меликян и Л.А.Ханларян. Вступит. статья С.С.Аверинцева.
- LXXVIII. Книга деяний Ардашира, сына Папака. Транскрипция текста, пер. со среднеперсидского, введ., коммент. и глоссарий О.М.Чунаковой. М., 1987.
- LXXIX. Мебде-и канун-и йеничери оджагы тарихи (История возникновения законов янычарского корпуса). Факсимиле рукописи. Изд. текста, пер. с турецкого, коммент. и введ. И.Е.Петросян. М., 1987.
- LXXX. Махабхарата. Книга третья. Лесная (Араньякапарва). Пер. с санскрита, коммент. и предисл. Я.В.Василькова и С.Л.Невелевой. М., 1987.
- LXXXI, 1–4. Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание (1149–1169). Изд. текста, пер. с тангутского, исслед. и примеч. Е.И.Кычанова. В 4-х книгах.
Кн. 1. Исследование. М., 1987.
Кн. 2. Факсимиле, пер. и примеч. (главы 1–7). М., 1987.
Кн. 3. Факсимиле, пер. и примеч. (главы 8–12). М., 1989.
Кн. 4. Факсимиле, пер. и примеч. (главы 13–20). М., 1989.
- LXXXII. Шихуа о том, как Трипитака Великой Тан добыл священные книги (Да Тан Сань-цзан цой цзин пинхуа). Пер. с китайского, исслед. и примеч. Л.К.Павловской. М., 1987.

- LXXXIII. 'Аджа'иб ад-дунйа (Чудеса мира). Критический текст, пер. с персидского, введ., коммент. и указатели Л.П.Смирновой.
- LXXXIV. 'Али ибн Мухаммад ибн 'Абдаллах ал-Факри. Китаб талхис ал-байан фи зикр ахл ал-фирак ва-л-адйан (Краткое разъяснение к перечню последователей разных вер). Факсимиле рукописи. Изд. текста, вступит. статья, краткое изложение содержания, примеч. и указатели С.М.Прозорова. М., 1988.
- LXXXV. Аннамбхатта. Тарка-санграха и Тарка-дипика ("Свод умозрений" и "Разъяснение к своду умозрений"). Пер. с санскрита, исслед. и примеч. Е.П.Островской. М., 1989.
- LXXXVI. Васубандху. Абхидхармакоша (Энциклопедия Абхидхармы). Пер. с санскрита, исслед. и коммент. В.И.Рудого.
- LXXXVII. Вновь собранные записи о любви к младшим и почтении к родителям. Изд. текста факсимиле, вступит. статья, пер. с тангутского, коммент. и приложение К.Б.Кепинг. Послесл. М.В.Крюкова. М., 1989.
- LXXXVIII. Вопросы Милинды (Милиндапаньха). Пер. с пали, исслед. и коммент. А.В.Парибка. М., 1989.
- LXXXIX. Дзэами Мотокиё. Предание о цветке стиля (Фуси кадэн), или Предание о цветке (Кадэнсё). Пер. со старояпонского, вступит. статья и примеч. Н.Г.Анариной. М., 1989.
- ХСІ. Махабхарата. Т.VIII. Карнапарва (Книга о Карне). Пер. с санскрита, предисл. и коммент. Я.В.Василькова и С.Л.Невелевой.
- ХСІІ. Мах Шараф-ханум Курдистани. Хроника дома Ардалан (Та'рих-и Ардалан). Пер. с персидского, примеч. и предисл. Е.И.Васильевой.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	8
Монгольские переводы "Истории Чойджид-дагини"	11
1. Сюжет "видений ада" в монгольской литературе XVII — начала XX в.	11
2. Сведения об "Истории Чойджид-дагини" в востоковедных исследованиях и каталогах	19
3. Письменные источники "Истории Чойджид-дагини"	25
Рукописи и печатные издания в собраниях Ленинграда.	25
Рукописи в фонде Улан-Удэ	30
Рукописи в собраниях Кызыла	30
Рукописи и ксилографы в коллекциях Улан-Батора	32
4. Перевод ойратского Зая-пандиты	37
5. Перевод гушри-цорджи Лубсан-Лиг-Шад-Дарджая	60
6. Анонимный прозаический перевод	62
7. Анонимный перевод прозаической версии повести	65
Заключение	74
Факсимиле	77
Транслитерация	151
История Чойджид-дагини	187
Комментарий	225
Литература	245
Summary	251

ВВЕДЕНИЕ

Изучение монгольской литературы XVI – начала XX в. невозможно без учета связей и влияния на нее индийской и в особенности тибетской литератур. Монгольские переводы индийских и тибетских сочинений стали предметом исследований монголоведов уже в прошлом столетии [Ковалевский, 1834; Гомбоев, 1858; Гомбоев, 1864; Юлг, 1866; Юлг, 1868]. Однако вопрос о необходимости систематического, целенаправленного изучения связей монгольской литературы с литературами центральноазиатского региона и Индии был впервые поставлен Б.Я.Владимирцовым в книге "Монгольский сборник рассказов из Raicatantra". Доказав индийское происхождение этих монгольских версий, Б.Я.Владимирцов на материале ряда монгольских сборников сказок продемонстрировал, сколь широко и многообразно подобные сюжеты были распространены в литературе монголов [Владимирцов, 1921].

Еще более многочисленны были в монгольской литературе переводы с тибетского, которые так же, как и индийские сказки, со временем адаптировались в монгольской среде. В них нередко появлялись привычные для монгола атрибуты кочевой жизни, иноязычные имена заменялись их монгольскими эквивалентами, включались новые персонажи и эпизоды, и затем уже эти заимствованные произведения начинали восприниматься как свои, монгольские. Именно поэтому "для правильного представления о монгольской народной словесности, для правильного ее освещения, для того, чтобы можно было с полной уверенностью отделить национальные мотивы и сюжеты от заимствованных, необходимо основательное знакомство с книжной повествовательной, сказочной литературой Монголии и Тибета" [Владимирцов, 1921, с.40].

За последнее время монголоведы немало сделали в этом направлении. Среди наиболее важных работ, включающих сведения о литературных связях монгольской письменной словесности, двухтомная "История монгольской литературы", опубликованная В.Хайсигом [Хайсиг, 1972], книга Ц.Дамдинсурэна "„Рамаана" в Монголии" [Дамдинсурэн, 1979]. Много фактического материала содержит изданный в МНР второй том "Очерков монгольской литературы" [Тойм, 1977]. Появился, наконец, и тематический сборник "Лите-

ратурные связи Монголии" (М., 1981), подготовленный совместно советскими и монгольскими востоковедами.

Однако, изучая названные и другие аналогичные труды по монгольской литературе, нетрудно убедиться, что они преимущественно касаются либо отдельно взятых сочинений, либо четко ограниченного круга переводной монгольской литературы. Но всеобъемлющего (разумеется, в пределах тех источников, что дошли до нас из глубин семи столетий существования монгольской письменной традиции) труда, выполненного на должном научном уровне и специально посвященного истории монгольской литературы с точки зрения ее связей с литературами соседних стран, до сих пор не существует. И ожидать его сейчас, на наш взгляд, преждевременно.

Препятствуют созданию такого труда, несомненно, "белые пятна" в наших нынешних познаниях о некоторых сторонах литературного процесса в дореволюционной Монголии, о реальном составе и объеме монгольской, и прежде всего переводной, литературы. Ведь и поныне многое из того, что когда-либо появлялось на монгольском языке, либо известно очень поверхностно, либо осталось вовсе вне поля зрения востоковедов.

Таким образом, одной из важных задач монголоведения следует признать изучение истории появления и бытования всех уже известных (хотя бы по названию) памятников оригинальной и переводной монгольской литературы, а также выявление, анализ и публикация доселе неизвестных письменных образцов литературного наследия монгольских народов. Решению этой задачи посвящена и наша работа, в которой исследуется одно из популярнейших произведений тибето-монгольской повествовательной литературы – "История, правдиво повествующая о послании, отправленном Эрлик Номун-ханом, и о страданиях, увиденных драгоценной Чойджид-йогини в землях Эрлика". Из многочисленных выявленных вариантов названий произведения в рукописях и ксилографических изданиях наиболее распространенным, обиходным является: *Soyijid dagini-yin tuquji orovibai* – "История Чойджид-дагини" или "Повесть о Чойджид-дагини".

На примере повести мы рассмотрим особый жанр тибетской средневековой литературы, содержащий истории о "хождениях в буддийский ад", а также определим причины появления литературы такого рода, формы ее бытования и различия, обусловленные разнообразием этих форм, установим круг произведений монгольской литературы упомянутого жанра и место, которое занимает в нем "История Чойджид-дагини". Большое внимание в нашей работе уделено выявлению, атрибуции и датировке различных монгольских переводов, версий и вариантов повести. Многие из них впервые вводятся в научный обиход. В частности, это относится и к публикуемому нами переводу повести, единственный руко-

Введение

писный экземпляр которого удалось разыскать в собраниях Рукописного отдела Института востоковедения АН СССР в Ленинграде (ЛО ИВАН).

Автор благодарит всех коллег, на разных этапах подготовки книги ознакомившихся с рукописью ее и высказавших полезные советы и замечания, многие из которых учтены в данной работе.

А.Г.Сазыкин

SUMMARY

"Visions of hell" was a very popular theme in the medieval European literature. It was also common in the Oriental literature. A series of writings in the early Mongolian tradition describe the journeys to Buddhist hell. The earliest of them, however, were borrowed by the Mongols from foreign literatures. In later periods literary borrowings also occurred. On the basis of translated stories about the journey to hell the Mongolians created their own writings in the 18th-19th centuries, which were very common and popular in Mongolia.

The study of the origin and literary fate of the Mongolian versions of journeys to hell are of great interest as samples of history of the early Mongolian literature and also expand our knowledge about long and versatile links and mutual influences between literatures of Central Asia, India and China.

The *Story of Choijid-dagini* is one of the biggest translated stories on the subject. Created in Tibet not later than in the early 16th century, it was translated into Mongolian by Oirat Zaya-pandita in the first half of the 17th century. There are numerous manuscripts of this translation written in the early Mongolian script and in the Oirat clear script. In the early 20th century the translation was xylographed at a Buryat datsan. In 1908, the translation in the Oirat clear script was lythographed in Petersburg.

One more Mongolian translation of the *Story* done by the South Mongolian gushi corzi Lubsan-Lig-Shad-Darjai appeared in the 17th century. Most probably, the translation was not very popular with the Mongols and survived in a single copy. Now it is in the possession of the Institute of Oriental Studies (Leningrad). It seems that later, in the 19th century, two other translations of the *Story* were done. The translators are not known yet.

In addition to above four prose translations there is a half prose half poetical text in Mongolian. It is a translation of the Tibetan version of the *Story* which is partly versified. The Tibetan prosopoetical version probably appeared to be staged in monasteries. According to the tradition of the Tibetan theatre, the

text of a play usually was a combination of prose and poetic dialogues. However, there is no data of the *Story of Choijid-dagini's* theatrical adaptation. It seems that the prosopoetic version only existed in a manuscript from until the beginning of the 20th century when it was xylographed in the Urga monastery.

However, the Mongolians introduced changes in the Tibetan versions of the *Story*. It was revised and enlarged, the sources suggest. Additional chapters are found in the most appealing central section of the writing, in which the lord of the underworld, Erlik-khan, judges upon the dead.

In the original Tibetan version, which survived without change in most of the Mongolian translations, there are virtuous and vicious lamas and nuns, righteous and sinful lay men and women passing by the throne of the Lord of the Underworld. Impressive stories of the dead about their previous lives and descriptions providing a very recognizable portrait of each of them enable one to recapture the life and social relations and to reveal the most characteristic social vices incarnated in the images of the dead.

Criticism of negative social phenomena in the original version was developed in Mongolia. New persons included in the scenes of the judgement reflect such social motifs, new to the early Tibetan Mongolian texts, as oppression by clergy and temporal rulers; vagabonding lamas who involve in theft and plunder, and the selling of girls from poor families to brothels.

Of great ideological importance in the *Story* is the description of the underworld, which constitutes a major element of Buddhist ethico-didactical literature. The *Story* gives a detailed description of the underworld in the Mongolian writings and includes a long list of sins punishable by various tortures in hell.

For this reason, the *Story of Choijid-dagini* may be considered the most potent Buddhist didactic writing. Its advantages were highly appreciated by the Mongolian lamas who translated and published it several times and did their best to make it popular with the entire Mongolian peoples.